

ства, нет марсомании и бешенства к мундирам» (А.И.Герцен «Письма из Франции и Италии»).

Третья группа сложных слов с компонентами *-ман* и *-мания* включает в себя слова, определяющие пристрастие к культуре, образу жизни, традициям и т. п. какой-либо страны, соответственно первая часть слова обозначает географическое название, например: *англоман*, *англomanия*; *галломан*, *галломания*; *германоман*, *германомания*; *французомания*. В современном русском языке слова *галломан* и *галломания* являются устаревшими, но в XIX в. были широко употребительны. «Налейте мне еще шампанского стакан: Я сердцем Славянин, желудком галломан!» (К.Н.Батюшков «Прогулка по Москве»). Слова данной лексико-семантической группы имели ярко выраженную социальную направленность, в зависимости от убеждений употребляющего их человека они могли иметь одобрительный или неодобрительный оттенок. «Он [Берестов] не мог равнодушно говорить об англomanии своего соседа и поминутно находил случай его критиковать».⁹ «Галлолюбие и французомания не враждебны правильному развитию русской речи» (П.А.Вяземский «Старая записная книжка»).

В то же время слово *итальяномания*, появившееся в русском языке в середине XIX в., имело значение «увлечение итальянской оперной музыкой», но не включало в себя более широкого значения «увлечение образом жизни, культурой, традициями», что соответствовало исторической действительности того времени. «Я радуюсь ослаблению культа итальяномании, проявившемуся в пустоте театра на этом концерте» (П.И.Чайковский «Итальянская опера»).

Нельзя не заметить, что словам этой группы со второй частью *-ман* очень близки по значению и употреблению в русском языке сложные слова с компонентом *-фил*, также являющиеся заимствованиями из французского языка. Ср. *англоман* — *англофил* (*anglophile*), *галломан* — *галлофил* (*gallophile*).

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. В начале XIX в. в русский язык вошла целая группа заимствованных из французского языка слов с компонентами *-ман* и

-мания (*библиомания*, *меломан*, *меломания*), обычным явлением становятся образования с *-ман* и *-мания*, появившиеся исключительно на русской почве (*чиномания*, *хохломан*).

2. Разделение сложных слов на лексико-семантические группы позволяет показать их семантику и функционирование, а также сделать выводы об их словообразовательных возможностях, что оказывается важным при работе над «Словарем русского языка XIX в.».

3. Рассмотрение образований с *-ман* и *-мания* в русском языке XIX в. актуально и в настоящее время, так как отражает словообразовательные тенденции в современном русском языке. В качестве примера можно привести названия телевизионных программ: «Голмания» — для любителей футбола, «Зоомания» — для любителей животных, а также такие неологизмы последнего времени, как *тангомания*, *сексомания*, *киномания*.

В. Н. Калиновская

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ

В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX В.

(К вопросу об источниках «Словаря русского языка XIX в.»)

В связи с обсуждением (Проекта «Словаря русского языка XIX века») следует еще раз обратить внимание на те существенные особенности словаря, которые, по мнению авторов концепции (Ю.С.Сорокина и Л.Л.Кутиной), должны составить его специфику. Прежде всего это — ориентация на эволюцию нормы, что предполагает учет «двигающих и обуславливающих ее факторов». Именно поэтому в словаре найдут отражение данные, относящиеся к историко-культурному и социокультурному фону.

Для словаря подобного типа особенно важным является понятие «идеологической нормы» (термин французских лингвистов А.Рей и С.Делесаль),¹ т. е. социально значимой в конкретный исторический период. Ею определяются условия функциониро-

¹ Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии. С. 290.
© В. Н. Калиновская, 2003

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 146.

вания лексической единицы (либо единицы другого уровня), обозначающей и одновременно дающей оценку тому или иному явлению, предмету действительности. Следует отметить, что социально значимыми могут быть не только единицы лексико-семантического уровня, что непосредственно касается сферы употребления и специфики семантики того или иного слова, но и единицы других уровней языка; какие-то явления в области графики и орфографии могут отражать особенности произношения, присущие представителям отдельных социально или территориально ограниченных социумов.

В качестве примеров, требующих специального комментария, можно было бы привести: а) случаи лексикализации московской нормы произношения, отраженной в написании ЧН как ШН в составе особо частотных словоформ (лексика быта, встречающаяся в текстах эпистолярного или мемуарного жанров, например: *молошная каша*); б) случаи колебания в написании некоторых заимствованных слов как следствие сосуществования двойной нормы (ориентированной, с одной стороны, на письменность, с другой — на оригинальное произношение), например: «равноправие» орфографических (фонетических) вариантов в производных от французской основы *sentiment(al)*—: *сентименты* и *сантименты*, *сентиментальный* и *сантиментальный* и др., было закреплено лишь во 2-м издании Словаря В. И. Даля, который окончательно «утвердил» большое число новаций XIX в., отмеченных пометой *Разг.* в «Словаре современного русского литературного языка». Функционально-стилистический статус (разговорный стиль) форм с написанием *сант-* подтверждается тем, что чаще всего они встречаются в текстах, характеризующихся экспрессивной окрашенностью и непринужденностью стиля (в художественной речи, в мемуарных записках и т. п.). Материалы картотеки «Словаря русского языка XVIII века» (ИЛИ РАН) позволяют сделать вывод о постепенном нарастании количества примеров с написанием *сант-* к концу века (первый случай фиксации относится к 1741 г. и касается слова *сантименты*, встретившегося у А. Д. Кантемира наряду с другим вариантом *сентименты*) как раз в текстах, где наиболее вероятно отражение речевой нормы (в письмах и дневниковых записях); в) любопытный пример последовательного написания без «ь» словоформы *бельевая*, встретившийся в одном из источников второй

половины XIX в. в составе словосочетаний *бельевая дама* 'кастелянша', *бельевая комната* (в том числе и в случаях субстантивации прилагательного) при наличии написаний с «ь» в аналогичных образованиях (*тканьевоый*), очевидно, потребует комментария с точки зрения возможного влияния фонетической системы другого языка (французского), сказавшегося в различной графической реализации дифференциального признака «твердость-мягкость»; г) социокультурного комментария заслуживают некоторые случаи фонетической вариантности, как, например, единичный случай употребления формы *брэк* (от англ. *break* 'тип легкой повозки открытого типа'), встретившийся в дневниках А. С. Сухова-Кобылина,² как отражение англоманских (шире — западно-европейских) пристрастий в определенной социокультурной среде. Свидетельством тому является употребление в соседнем контексте пока также нигде не зафиксированного слова *стайдж*, которое, очевидно, можно считать употребленным в качестве синонима, актуализирующего в своем значении функциональное назначение обозначаемого им предмета (англ. *stage* 'вид дилижанса, осуществляющего регулярные рейсы между пунктами назначения'). В подтверждение «окказиональности» формы *брэк* отметим, что фонетически более освоенными в русском языке оказались варианты *брек* и *брык*, отмеченные, в частности, у М. Н. Загорскина (примеры любезно предоставлены Г. В. Судаковым). Последняя форма указана в «Этимологическом словаре» М. Фасмера как имеющая этимологическое родство с заимствованным, скорее всего, из польского языка словом *бричка*, хорошо известным нам по «Мертвым душам» Н. В. Гоголя.

Наличие социокультурных коннотаций в семантике нагляднее всего прослеживается при обращении к текстам, своим происхождением связанным с определенной социальной средой. Поэтому выбор источников Словаря, учитывая его культурно-историческую специфику, представляется особенно важным и должен носить целенаправленный характер.

XIX век представлен исключительным разнообразием социальных типов, складывавшихся в результате эволюционного развития русского общества. Некоторые из них формировались

² См.: Дело Сухова-Кобылина. М., 2002. С. 255.

внутри достаточно тесных и замкнутых корпоративных сообществ, что определяло преемственность бытовых навыков и привычек, этических норм и что существенно для нас — преемственность языка. Об этом замечательно сказано в воспоминаниях одной из представительниц подобного социального типа — бывшей институтки — А.Н.Энгельгардт: «Обычаи, предания и самый язык передавались из рода в род... старенькие, вполне знакомые с институтскими нравами и обычаями, передавали их новеньким, и вот откуда возникла преемственность в нравах, обычаях и языке».³ Данный женский тип (институтки), начиная свою историю в 60-е годы XVIII в., формировался на протяжении всего XIX в. и в социально-психологическом плане достаточно хорошо изучен и описан в современной научной литературе. Представления о нем получены в том числе и из многочисленных воспоминаний, составленных выпускницами закрытых женских учебно-воспитательных заведений по разному поводу и оставленных потомкам. Эти произведения имеют различную литературно-художественную ценность, но интересны, прежде всего, как достаточно объективный и достоверный источник для изучения одного из фрагментов картины мира XIX в. Оригинальность этого социального типа послужила поводом к тому, чтобы описать его в художественной литературе (объект критики со стороны писателей «натуральной школы»), как, впрочем, и тип учащегося с противоположным гендерным признаком — представителя бурсы (см. у Н.Г.Помяловского). Язык и той и другой социальной группы несомненно представляет интерес для изучения с точки зрения отражения в нем актуальных языковых процессов, в динамике которых прослеживаются тенденции нового времени, имеющие социокультурный отпечаток.

На примерах, извлеченных из мемуарных записок институток нескольких поколений, обозначим некоторые из этих тенденций. Небольшую, но характерную группу составит лексика институтского быта, встречающаяся во всех практически сочинениях указанного жанра. Это слова-термины, слова-наименования институтских реалий, к примеру: *директриса, классная дама, инспектриса,*

³ Энгельгардт А. Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 168.

панталонка, метресса, шифр, дортуар и др. Характеризуя эту лексическую группу в интересующем нас аспекте, отметим устойчивую нейтральность ее значения в эмоционально-экспрессивном плане. Социокультурный компонент проявляется в ограниченности сферы употребления большинства слов этой группы, по этой причине основным фактором в динамике изменений, касающихся функционирования слов, были перемены в области обозначаемых ими реалий. К концу интересующего нас периода в истории литературного русского языка намечался переход лексики подобного рода в разряд исторических «экзотизмов», что проявилось в попытках заменить заимствованное слово русским эквивалентом, например: *дортуар* на *спальня* (в воспоминаниях конца века автор приводит русский эквивалент, поясняя значение уходящего в пассив слова: «я отправилась в дортуар (спальню) уже к своей классной даме».⁴ Замены могут быть объяснены также как проявление тенденции, отмеченной нами в языке воспитанниц институтов, — это сопротивление экспансии французского языка (основного средства общения между учащимися и администрацией). Снижение его роли (социокультурной значимости) наблюдается в замене французских слов и выражений вполне «русскими» словами, образованными от иноязычных основ путем присоединения суффиксов русского языка, например: *бон-сюжетка, мовешка* (соответственно 'прилежная' или 'не обладающая таким качеством' воспитанница), *шиферница*. «Демократическая» направленность этого процесса проявлялась в явной экспрессии, характеризующей как семантику (этимологически), так и стилистическую функцию новообразований (оценочный характер контекстов употребления).

Значительную в количественном отношении группу лексических новаций образуют производные от русских глагольных основ существительные с оценочным компонентом в семантике. Например: *бранчушка, подлизушка, сувалка* («суется везде». Ср. с новацией XIX в. *выскачка* — словом, вошедшим в общее употребление), *зубряшка*. Эти «детские», школьные словечки, обладающие явной внутренней мотивацией, образованные из желания организовать «свой» мир, отличный от предлагаемого, на-

⁴ Водовозова Е. Н. На заре жизни // Там же. С. 230.

вязаемого им казенной (ср. семантические новации XIX в. *казенный, казенщина*) системой воспитания, похожей на полувоенную (отметим такие «военные» конструкции русского языка XVIII в., получившие переосмысление в речи институток, как *под один ранжир, прокинуть артикул* 'выполнить обязательные в институтском распорядке действия под контролем администрации', *отпускать* реверанс, *муштровка, формалистика*), образованы по продуктивным словообразовательным моделям, характеризующим демократические тенденции русского литературного языка «нового» времени, начиная со второй половины XVIII в.

В ряду встретившихся новобразований XIX в. (из так называемых институтских «словечек») назовем также словоформы *счастливить, обожать, обожательница*, связанных со сложившимся у институток ритуалом «обожания», характерным для инфантильного типа сознания. Орфография глагола *счастливить* в анализируемом источнике соответствует норме XIX в. (см. словарь П. И. Соколова), в то время как в «Словаре Академии Российской» еще находим характерную для старописьменной традиции форму со *щаст*.⁵ Глагол *обождать* закрепился в лексико-семантической системе современного литературного языка, дав целое гнездо производных.

Как в семантическом плане, так и с точки зрения стилистической окраски интерес представляет фразеология анализируемых источников, складывающаяся в языке в результате одновременного действия двух разных, но встречающихся тенденций: калькирования обиходных речений из французского языка и их перевода в плоскость русской ментальности, а также в результате более широкой и свободной от стилистических табу сочетаемости слов в связи с влиянием мощного демократического фактора в обществе и в языке. В качестве примеров новаций в сфере лексической сочетаемости приведем следующие, интересные в социокультурном и историко-культурном аспектах: *патентованная дура* и *подземная библиотека*. Первое имеет явно оценочный характер, благодаря изначально экспрессивной окрашенности и сниженности стилистического значения одного из компонентов, кроме того прилагательное *патентованный* в контексте употреб-

ления приобретает дополнительные социокультурные коннотации (*социальная оценка качества образования и интеллекта члена сообщества*), которые могут привести к семантическим и стилистическим сдвигам (в данном случае изменение сочетаемости приводит к тому, что нейтральное прилагательное «заражается» отрицательной семантикой). Слово сочетание *подземная библиотека* интересно в плане семиотики культуры: в XIX в. новые значения развиваются у целого гнезда слов — *подполье, подпольный* и др., появление которых связано с запрещенной политической деятельностью; прилагательное *подземный* в приведенном примере употреблено в том же смысле — 'запрещенный (официально)', поскольку речь идет о запрещенных для чтения книгах в стенах женских институтов. В данном случае прослеживаем явную культурную оппозицию, складывающуюся в институтском мире: администрация («начальство») и учащиеся («товарищество»). Употребление прилагательного в несвойственном ему значении есть следствие номинативного процесса, — способ обозначить новую реалию, используя уже знакомую систему культурных оппозиций.

Внимание к социокультурному аспекту позволяет проследить движение нормы на лексико-семантическом уровне, например, формирование синонимического ряда в связи с усложнением представлений о каком-либо предмете, явлении действительности или в связи с изменениями самого объекта номинации. Анализируемые источники (сочинения институток разных поколений) позволили выделить пересекающиеся синонимические ряды слов, обозначающих социально-значимые понятия *община-товарищество* и *кучка-кружок-группа-партия*. Предварительно прокомментируем наметившуюся дифференциацию в этом понятийном поле. Лексемы из первого ряда называют сообщество, указывая на социальную значимость того типа отношений, которые устанавливаются в нем. Слово *община* встретилось в мемуарах начала века в составе словосочетания *община сестер*, существительное *товарищество* в источниках середины и конца XIX в. (соответственно и участники этого сообщества названы иначе — *товарки*). Контексты употребления последнего свидетельствуют об изменениях в семантике, обусловленных экстралингвистическими причинами, прежде всего, эволюцией личности, ее внутреннего мира в составе социума: вектор этих изменений направ-

⁵ Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1794. Т. 4. С. 941; Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1822. Т. 6. С. 1388.

лен в сторону большей абстрактности. Наряду с выделением в структуре значений старого 'объединение, сообщество' обнаруживается новый смысл, возникший уже в языке XIX в. и связанный с зарождением чувства гражданственности (как показывают источники XVIII в., это понятие, появившееся в русской культуре в эпоху Просвещения, в лексическом отношении окончательно не оформилось), если не в обществе, то у отдельной личности: «Товарищество оказывало во многих отношениях хорошее влияние на характер институтки; оно вселяло в нее понятие о честном и справедливом, понятие о равенстве и уважении к чужим правам и общественному мнению... понятие о *гражданстве*, если можно так выразиться...»⁶ (см. значение слова *гражданство* в «Словаре русского языка XVIII в.»). Первый ряд можно было бы дополнить еще одной единицей — словом *коммуна*, столь же актуальным для XIX в. Употребление слов в текстах на протяжении всего исторического периода позволяет говорить о постоянном перераспределении номинативных функций и постепенно складывающейся дифференциации значений у первоначально лексико-семантических вариантов на основании того, что каждая лексема начинает обозначать объединения с разным типом общественного договора и разным характером межличностных отношений в нем.

Столь же интересна в социокультурном аспекте и вторая синонимическая цепочка. Продуктивность новой семантики, приобретенной в новых социальных условиях с сохранением в ней оценочного компонента отразилась в неологизмах XIX в. — словах *групповщина*, *кучкизм* и под. (см. о слове *кружковщина* в монографии Ю. С. Сорокина)⁷ и «продержалась» вплоть до конца XX в., ср. *кучковаться*.⁸

⁶ Энгельгардт А. Н. Очерки институтской жизни... С. 179.

⁷ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава... С. 225.

⁸ Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения. СПб., 1998. С. 348.

М. Н. Приёмшьева

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЗАЙМСТВОВАННОГО СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX В.

Процесс заимствования в русском языке XIX в., как и в любом исторический период, имеет очень важное значение. Как отмечает Ю. С. Сорокин, на долю заимствований в XIX в. приходится почти все новообразования этого периода (а именно они становятся объектом словаря XIX в.), причем большая часть других понятий создается также на основе иноязычных корней.

Процесс заимствования имеет в каждый исторический период свои особенности. Различны язык-доминанта, социальные сферы заимствований, языковые словообразовательные модели и т. д., обусловленные теми или иными идеологическими, культурными, политическими тенденциями.

Специфичным же для каждого исторического периода оказывается этап семантической адаптации заимствованного слова. Теория семантической адаптации детально разработана в монографии Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной «Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования». Исследователи отмечают, что процесс заимствования и семантическая адаптация происходят в несколько этапов. Очень сложен начальный период, когда слово не располагает нужным набором лексических валентностей, что мешает говорить об изначальной неопределенности границ его значения. В большей степени это касается многозначного слова.

И действительно, следует особо отметить и постулировать определенный период в семантическом развитии слова, имеющий протяженность во времени, такой период, когда слово обладает аморфностью, расплывчатостью значения. Свяzano это, в первую очередь, с тем, что оно еще не обрело системной лексической и синтаксической сочетаемости (даже при однозначности лексического значения), не стало объектом узуса. Временной период вхождения в узус определяется, вероятно, актуальностью входящего понятия. Сразу оговорюсь, что теоретическое признание такого этапа заимствования очень важно в методическом отношении.

© М. Н. Приёмшьева, 2003